

О ГЛАВНЫХ АКТОРАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА. Культурное и языковое разнообразие современных наций

В.А.Тишков

Ключевые слова: нация, Россия, культура, язык, культурная сложность, языковое разнообразие, межкультурная коммуникация.

Чтобы воплотить в жизнь идею диалога цивилизаций, необходимо осознать векторы сегодняшней эволюции культурных форм и систем. А это требует от ученых нового взгляда на социально-культурную природу современных наций — всеохватных человеческих сообществ на основе суверенной государственности, которые сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз как свою целостность, так и свое этнокультурное разнообразие. Созданные ими экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое — ключевые факторы сохранения (или разрушения и эрозии) этнических, языковых, религиозных и других культурно отличительных систем, которые также никуда не сходят с исторической арены и существуют в рамках наций-государств повсеместно.

Что представляют собой современные нации? В России, несмотря на наличие “национального бытия” и национального дискурса, сама нация как бы отсутствует, ибо российский народ определяется как “многонациональный”. Во многом это связано с традицией понимания нации как типа этнической общности — традицией, которая восходит к австромарксизму и к советской практике “национально-государственного строительства”, под которым имелось в виду конструирование социалистических наций на основе этнических и даже племенных групп, существовавших в историческом российском государстве. Отказ от гражданского нациестроительства, а точнее его замена формулой “нового типа исторической общности” в лице советского народа позволила этническому национализму стать одним из факторов разрушения СССР. Понимание наций как этносов “со своей государственностью” не было реализовано в исторической практике, несмотря на кровавые коллизии, включая этнические чистки, насильственную ассимиляцию и политико-идеологические гонения против тех, кто отличался внешним видом, языком, верой и просто считал и называл себя по-другому. Как не хотели болгары признавать частью своей нации болгарских мусульман, но это им пришлось сделать. Как не хотели турки признавать курдов отличительной частью гражданской турецкой нации, это им пришлось сделать и т.д. Теория национальной “чистоты”, “духа”, “типа”, а тем более — “генофонда” оказалась несостоятельной и нереализуемой, хотя и до сих пор не потеряла своих сто-

77

ТИШКОВ Валерий Александрович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н.Миклухо-Маклая и Центра социальной антропологии РГГУ. Для связи с автором: valerytishkov@mail.ru

ронников, отчаянно желающих соединить три субстанции: этнос, нацию и государство. Абсолютизация и огосударствление культурной отличительности (этничности) остается опасной утопией мировой политики.

Но не менее серьезные трансформации произошли в доминирующей на протяжении почти трех столетий якобинской трактовке нации как сообщества свободных, равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Якобинский идеал, который, наоборот, отрицал право на различия в рамках одной страны и одной нации, также никогда не был реализован даже в самой Франции, а схожая американская национальная идея переплавки иммигрантского населения претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями, а тем более — с межрасовыми коллизиями. Разберем эти теоретические и практические трудности современного, постъякобинского мира на основе концепта культурной сложности или “гибридности” [Bhaba 1994; Hannerz 1992; Тишков 2005], отметив, что трудный поиск ответов на вопрос “что есть нация?” продолжается как в России, так и в других странах. В повестке Родосского форума это более чем адекватная и актуальная тема, ибо в диалоге цивилизаций нормы и ресурсы обеспечивают прежде всего государственные образования, оставаясь самой мощной формой социальных коалиций людей.

* * *

Сначала несколько исторических примеров.

В Канаде рождавшийся в 1970-80-е годы концепт “первых наций” (*first nations*) применительно к аборигенным народам зазвучал на весь мир только во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере, когда “вожди первых наций” участвовали в торжественных церемониях открытия и закрытия Олимпиады. В свое время премьер-министр Пьер Трюдо и многие канадские интеллектуалы настороженно отнеслись к переименованию “Братства индейцев Канады” в “Ассамблею первых наций”. В конце 1970-х годов лидер нации, франкофон Трюдо с трудом убеждал соотечественников, в том числе и квебекских сепаратистов, что “мы все — одна нация канадцев” [Кошелев, Тишков 1982]. Прошло три десятилетия интеллектуальных и политических усилий канадской элиты, и при закрытии Олимпиады в Ванкувере председатель оргкомитета заявил: “Эти игры еще больше укрепили единство нашей канадской нации!”. Услышим ли мы подобные слова по итогам Олимпийских игр в Сочи? Надеюсь, что услышим или почувствуем.

Еще один пример современного дискурса о нации на спортивную тематику. Во время мирового чемпионата по футболу в ЮАР СМИ сообщили о массовой демонстрации в Барселоне против решения мадридского Верховного суда признать неконституционным обозначение в основном законе провинции Каталонии ее населения как нации. Это право было признано только за всеми испанцами, к которым относятся кастильцы, баски, галисийцы, каталонцы и другие культурно отличительные сообщества страны. Мадрид признает языковое разнообразие (в отличие от Франции, где французский — единый официальный язык), но отрицает этническое деление испанской нации на прочие нации (как во Франции).

Важное отличие Испании от России состоит в отсутствии так наз. этносов [Кожановский 2006]: каталонцы считают себя не этнической общностью, а самоуправляемым *регионом-нацией*. Каталонцы — это все жители Каталонии, а не только те, кто имеет каталанское происхождение и говорит на каталанском языке. Конфликт разрешил финал чемпионата: вся Испания праздновала победу *национальной* (!) сборной команды, в составе которой было много футболистов из каталонской столицы Барселоны и даже один игрок из Страны Басков.

Во многих странах есть споры по поводу определения нации, но самый распространенный случай — это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций. В Китае, например, все 56 национальностей, включая ханьцев, не считаются нациями, а нацией (*джонхуа миндзу*) являются все китайцы — граждане страны. Нациями в Китае не называют не только меньшинства, но и ханьское большинство (90% населения).

Однако все это не мешает использовать самоназвание нации уйгурским, квебекским, баскским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. Поэтому случай отрицания и даже судебного запрета не универсален, а для России он не подходит вообще из-за укоренившегося и широко используемого слова “нация” в этническом смысле. Здесь нужно найти новую, инклюзивную по своему смыслу формулу, о которой речь пойдет ниже.

Обратимся к **Франции** — стране, казалось бы, с давно и успешно сложившейся нацией на гражданской основе. Во-первых, начиная с якобинских гонений против меньшинств и региональных языков, французы как более или менее общая, хотя и рыхлая идентичность появились только спустя сто лет после Французской революции [Weber 1976]. Там нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, правовая норма и коллективная договоренность. Считается, что все граждане страны есть один народ — французы — при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Но тогда что есть *французы как нация*? Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, всегда обладавшая культурной сложностью, которая сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретала как актуализированное старое, так и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций. Актуализированное старое — совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя оно также имеет место. Старая Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой Родине (*terroir* на месте этничности) [Филиппова 2010]. Такая культурная гетерогенность сводила с ума Шарля де Голля, который однажды в сердцах воскликнул: “Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!”

Спустя три десятилетия ситуация еще более усложнилась. Сегодня 65-миллионную нацию составляют не только “собственно французы”, т.е. граждане, имеющие давнее французское происхождение, но и 13 млн других граждан: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и др.), 5 млн — выходцы из групп берберо-арабских

народов, 0,5 млн — турки, 0,5 млн — североафриканские евреи, более 700 тыс. — французы-выходцы из французских колоний. Усложняется и религиозный состав: из 70% французов-католиков только 10% ходят в церковь; 22% считают себя агностиками и атеистами; 5-10% населения составляют активно верующие мусульмане, чья численность быстро растет.

Монокультурность никогда не была реальностью во Франции. На деле существовала только доктрина монокультурности, позволявшая не признавать так наз. *этнии*. Антитезой этническим группам были регионально-местные культурные идентичности на основе различной специфики (от вина и сыра до исторических и протогосударственных отсылок). От французской монокультуры остается, пожалуй, только языковая система. Этот последний бастион охраняется конституционным законом 1992 г. о защите языкового наследия и другими декретами. Нет сомнения, что современная Франция и с ней остальной мир вступили в постякобинскую эпоху понимания нации и “нациестроительства” (*nation-building*). Даже сама личность Саркози, проклинавшего мультикультурализм, на самом деле демонстрировала более сложный состав современных французов.

В США якобинский тип нации как некий интегрированный сплав также был лишь актом речи, выразившимся сначала в доктрине плавильного тигля, а затем — в особой избранности американской нации как эталона и гаранта демократии и равных прав. На деле в Америке всегда существовало множество этнических и расовых групп и языков, не говоря о прошлой и частично сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей (индейцев), афроамериканцев и иммигрантов. Формула “*единство в многообразии*” реализовалась здесь не как социологическая реальность, а как форма самосознания в результате целенаправленной индоктринации. В какой-то мере она обеспечивает современное динамичное развитие нации, однако несет в себе определенные риски. Культурная сложность американцев растет, причем на фоне усиления американского мессианского национализма, а также укрепления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан. Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и в возрастании доли населения иностранного происхождения (в большинстве развитых стран сейчас наблюдается уже обратная тенденция). Возможно, что американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что политические разговоры или научные штудии по поводу “культурного ядра” (*core culture*) в лице белых протестантов англо-саксонского происхождения, которое якобы составляет основу американской нации, утратили всякий смысл. Сегодняшние американцы — это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хилари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, “мы — нация наций”.

Разберем пример **Великобритании**, более близкий к российскому опыту. Напомним, что из 62,3 млн жителей этой страны собственно англичане составляют 83,6% (примерно как русские в России), шотландцы — 8,6%, уэльсцы (валлийцы) — 4,9%, североирландцы — 2,9%, а все уроженцы Британских островов — 92%. Остальные — это африканцы (2%), индусы (2%), пакистанцы (1,3%) и лица смешанного происхождения. Известно о быстром росте чис-

ла русскоязычных жителей. Христиане разных исповеданий составляют 72%, мусульмане — 3%. Столь мозаичная нация называется *британской*, при этом смена английскости на британскость произошла в результате общественных дебатов и деятельности в 1980-е годы Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности [Липкин 2003: 30-41], хотя начало конструирования британскости относится к XVIII в. [Colley 1992]. Современная сложность этой нации проявляется в огромном этническом и религиозном разнообразии городского населения и в росте так наз. региональных языков: сегодня шотландским владеет около 30% населения Шотландии, шотландским гэльским — около 60 тысяч в Шотландии, уэльским около 20% в Уэльсе, ирландским — около 10% в Ольстере, корнуэльским — около трех тысяч человек.

Для Великобритании, как и для России, единственно возможная формула — это *нация наций*, хотя в отличие от России современная Британия — это больше нация мегаполисов, а не территориальных “национализированных” сообществ (шотландцы, пожалуй, единственное исключение). Именно эта тема британскости и смешанной природы современной нации всячески подчеркивалась организаторами последних Олимпийских игр в Лондоне. Ясно, что кто-то из представителей “старой доброй Англии” недоволен этой новой реальностью, но она есть данность, которую страна и общество стараются обратить к своей пользе. Лондонские медалисты от этой страны тому подтверждение.

* * *

Схожим образом обстоит дело и с *языковым разнообразием* в современных государствах, ибо язык по-прежнему достаточно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. В традиционном понимании языковая сложность как культурный феномен — это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже “красные книги” языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что язык физически более осязаем через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как средстве коммуникации заключен также интерес разных человеческих групп и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование. Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности, а также бизнес-корпорации: одним необходимо распространять религиозные тексты на доступных языках в целях обращения в свою веру, другим — важно произвести товар дешевле и продать его как можно большему числу людей.

Некоторые специалисты говорят, что к концу XXI в. в мире может остаться всего 400-500 языков вместо 4-5 тыс., которые были зафиксированы в XX в. По поводу проблемы “вымирания языков” и составления “красных книг” исчезающих языков ведутся многочисленные дискуссии и делаются политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы существуют дек-

ларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный документ – принятая кабинетом министров СЕ в 1992 г. в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств.

Казалось бы, мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Для озабоченности есть причины. Однако ситуация имеет более сложный характер, заключающийся в следующих процессах. Первый – это размывание и перемешивание языковых ареалов, делающее невозможным составление атласов языков (как это делалось в XIX в.) или этничностей и религий (как в XX в.). Второй – усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия среди населения целого ряда стран. Наконец, есть тенденция ревитализации языков, т.е. их возвращения после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США – тому примеры.

Несмотря на апокалипсические прогнозы, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ. Тем самым смогут улучшить свое положение не только малые языковые группы, но и русскоговорящие жители Украины, Молдовы, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии.

Европейская языковая Хартия ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групп носителей, определяемых обычно по названию языка как самостоятельные народы или нации. Хартия не использует понятие родного языка и не привязывает жестко язык к этнической принадлежности, так как в реальности десятки, если не сотни миллионов людей совершают переход с одного языка на другой или овладевают и пользуются в равной степени несколькими языками. Подобная ситуация широко распространена в европейских странах, но и Россия не является исключением по причине широкого распространения смешанных браков, совместного поселения и высокого уровня образования среди населения.

Еще один вопрос: насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и за языковое пространство обучения, культуры и информации? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но здесь есть и новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, международные структуры с миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены

тем, чтобы население продолжало говорить так же, как и сто лет тому назад и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе — недаром появился феномен “красной книги языков”. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом отсутствуют какие-либо компромиссы по части официального двуязычия или многоязычия, что приводит к косвенному насилию и дискриминации, особенно массовой в ряде государств бывшего СССР.

Наконец, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая экономики, информационные системы и поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос о языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитических соперничеств, включая давление на те или иные страны и общества. Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что есть язык и какова должна быть политика в отношении языкового вопроса. В конце XX в. языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

Если мы признаем принцип культурной свободы, то должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию), а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения). В этой ситуации языки мировых культурных систем (*top world languages*), к которым относятся как русский язык, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут выигрывать даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: владение и использование этих языков предоставляет больше возможностей для жизненного преуспевания, чем так наз. миноритарные языки. Поэтому требование “языковых паритетов” на межгосударственном уровне не всегда имеет справедливый и реалистичный характер, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей.

В этом вопросе есть свои двойные стандарты, которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий языки в стране эмиграции (США, Великобритании, Германии, Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителями нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними наблюдателями как языковой геноцид или как политика насильственной ассимиляции. Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в ЕС не решен. Об этом свидетельствует затя-

нувшийся процесс ратификации и имплементации Европейской языковой хартии. По этому вопросу у России формируется своя позиция.

Подписав Хартию в мае 2001 г., Россия только рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. В России есть особенности, препятствующие положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы “языка” в политическую плоскость в регионах, где имеется конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией. В чем же ценность для России самой Хартии?

Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Для России такой подход непривычен. До сих пор главенствует представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические (в терминах советской эпохи — *национальные*) сообщества. А язык есть обязательный атрибут таких сообществ (“без своего языка нет народа!”). Здесь действует посылка: если государство посредством законодательства и других институтов поддерживает те или иные этнические общины, то это автоматически позволяет сохраняться их самобытной культуре и языку. Такое понимание национальной политики как непосредственное поддержание этнических сообществ на определенном этапе было оправдано. Российское государство на протяжении первой половины XX в. прошло через огромные тяготы и лишения. Патерналистский подход советской национальной политики, субъектом которой являлись конкретные людские сообщества, выявляемые по признаку “крови и почвы”, приносил на том этапе очевидные плоды. Однако в позднее советское время этот подход применять было гораздо труднее. Социальная жизнь в ту пору существенно изменилась. На огромном пространстве Советского Союза процессы модернизации и миграция из сельской местности в города способствовали тому, что потребности и интересы людей стали выходить за рамки “своей” этнической культуры, “традиционного” образа жизни, “своего” этнического языка. Исследования тех лет, а также переписи населения показали, что сообщества (“нации”, “национальности”, “народности”) не были однородными и культурно сплоченными, каковыми их рассматривала наука и политика. Значительная часть населения не признавала родным языком “свой” язык и пользовалась в повседневной жизни “чужим” языком, т.е. в большинстве своем — русским. Выяснилось также, что часть населения была склонна “переходить” из одной этнической идентичности в другую (в терминах той эпохи — “менять свою национальность”). Подобные явления рассматривались как своего рода издержки объективных процессов развития (“расцвет и сближение”) крупных “наций” и естественной ассимиляции мелких этнических сообществ.

На современном этапе язык(и) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере, автономную от ее носителей культурную ценность, которая может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об “исчезновении народа”. Переход на другой язык не означает утрату идентичности, т.е. сознания принадлежности к тому или иному народу. Скрепками

самосознания могут быть религия, связь со страной или регионом, их историей и культурой и другие компоненты идентичности.

Проблема автономности культурных ценностей и риска их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу нетерпимости и дискриминации. На эти вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции “языка этнической группы”, “языка национальности”, “языка нации” и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. В условиях растущего языкового плюрализма, порождаемого иммиграцией, а также интересом новых поколений к своему культурному наследию, новые подходы к языковой политике улучшат возможности социального управления и будут способствовать воспитанию у граждан России чувства целостности и единства общей Родины.

Таким образом, для современного государства в отношении языкового разнообразия наиболее эффективной и демократичной политикой является политика обеспечения статуса одного, двух или нескольких языков, которые объявляются государственными языками, и за счет средств государства государственный язык(и) получает необходимые условия своего развития и функционирования. Задача российского государства — обеспечить в соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан. Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан, особенно в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

Кожановский А.Н. 2006. *Быть испанцем*. М.

Кошелёв Л.В., Тишков В.А. 1982. *История Канады*. М.

Липкин М.А. 2003. Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности (История, культура и политика в Соединенном Королевстве). — *В мире английской истории. Россия и Британия*. Вып. 3.

Тишков В.А. 2005. О культурном многообразии. — *Этнографическое обозрение*, № 1.

Филиппова Е.И. 2010. *Территории идентичности в современной Франции*. М. 2010.

Habra H. 1994. *The Location of Culture*. L.-N.Y.

Colley L. 1992. *Britons: Forging the Nation, 1707-1837*. New Haven and L.: Yale University Press.

Hannerz U. 1992. *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. N.Y.

Weber E. 1976. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France, 1870-1914*. Stanford University Press.

